

The current situation needs methodological adjustments, that will let the Internet to be considered as the part of the social reality and make the nature of the Internet legal relationships comprehensible. **Discussion.** Social aspects of the Internet need to be fixed at the theoretical level. The Internet has the ability to be a tool of any legal relationship establishment. Thus it will be appropriate to use the knowledge about models and types of Internet communication, accumulated by the communication science.

Key words: Internet, information law, Internet-legal relations, methodology.

References

1. Vojskunsij A. E. Metafori Interneta [The Metaphors of the Internet]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy], 2001, no. 11, pp. 64–79.
2. Gussejnov G. Zametki k antropologii russkogo Interneta: Osobennosti jazyka i literaturnykh ljudej [The Notes to the Russian Internet Anthropology]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Review], 2000, no. 43, pp. 289–321.
3. Rheingold H. *Smart mobs: the next social revolution*. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 266 p. (Rush. ed.: Rengol'd G. Umnaja tolpa: Novaja social'naja revoljucija. Moscow, 2006. 416 p.).
4. Lessig L. *Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. New York, The Penguin Press, 2004. 346 p.
5. Kurbalija J. *Upravlenie Internetom* [Internet Governance]. Moscow, 2010. 208 p.
6. Federal'nyj zakon «O svjazi» ot 07 ijulja 2003 g. №126 FZ The [Federal Law of the Russian Federation «On Connection» 7.07.2003]. *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federacii* [Code of Laws of the Russian Federation]. 2003, no. 28, article 2895.
7. Jakushev M. A. Internet i pravo [The Internet and the Law]. *Zakonodatel'stvo* [The Legislation], 1997, no. 1, pp. 65–67.
8. Channov S. E. *Informacionnoe pravo Rossii: uchebnik dlja vuzov* [The Information Law of Russia]. Moscow, 2004. 224 p.
9. Dashjan M. S. *Pravo informacionnykh magistralej: Voprosy pravovogo regulirovanija v sfere Internet* [The Law of the Information highways: The Questions of the Law Regulation of the Internet]. Moscow, 2007. 248 p. (in Russian).
10. Sitdikova L. B. Informacija kak nematerial'noe blago [The Information as the Nonmaterial Benefit]. *Jurist* [The Lawyer], 2007, no. 8, pp. 62–64.
11. Rassolov I. M. *Internet-pravo* [The Law of the Internet]. Moscow, 2004. 143 p.
12. Tedeev A. A. Predmet informacionnogo prava v usloviyah Interneta [The Object of the Information Law in the Internet]. *Informacionnoe pravo* [The Information Law], 2006, no. 3, pp. 3–5.
13. Gribanov D. V. *Pravovoe regulirovanie kiberneticheskogo prostranstva kak sovokupnosti informacionnykh otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Law Regulation of the Cyberspace as the Complex of Information Relations. PhD law thesis]. Ekaterinburg, 2003. 22 p.
14. Fedoseeva I. N. *Kontrol' virtual'nogo prostranstva kak napravlenie dejatel'nosti rossijskogo gosudarstva* [The Control of the Virtual Space as the Trend of Russian Government Work]. Murom, 2010. 205 p.
15. Andrijushhenko E. S. Internet-otnoshenija: Ponjatie i klassifikacija [The Internet Legal Relationships: the Definition and the Classification]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2010, no. 3, pp. 69–72.

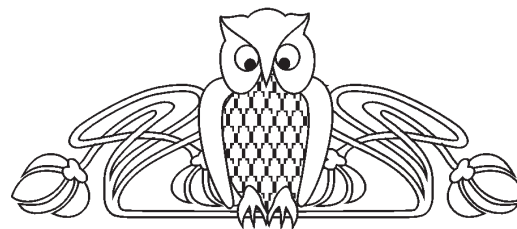
УДК 340.112

КОМПЛЕКСНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Е. Г. Потапенко

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Саратовский государственный университет
E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Введение. Система права имеет сложное внутреннее строение, которое обусловлено рядом внешних и внутренних причин. В условиях современного интенсивного развития и преобразования общественных отношений право не может оставаться статичным. Структура права претерпевает постоянные изменения. Причем эти изменения не всегда носят видимый характер, связанный, прежде всего, с появлением новых структурных элементов. Чаще такие изменения происходят на функциональном уровне взаимодействия элементов. **Методы.** Методологической основой исследования выступает внутренне взаимосвязанный комплекс методов познания: системно-структурный, функциональный, логический. Базовым методом выступает материалистическая диалектика, позволившая автору исследовать комплексные об-

разования во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими компонентами системы права, а также с предметом их правового регулирования. **Результаты.** Автор выделяет три основных признака комплексных структурных общностей. Организационный признак связан с внешним проявлением комплексности структурного элемента системы права в системе нормативно-правовых актов. Данный признак позволяет выявить потенциальное комплексное правовое образование, однако не является обязательным. Суть организационного признака состоит в том, что нормы одной отрасли права закрепляются в нормативно-правовом акте, являющемся источником другой отрасли права. Вторым признаком комплексного образования выступает его предмет правового регулирования, который, как правило, совпа-

дает с предметом правового регулирования конкретной отрасли права, заимствующей правовую норму из иной отрасли права. Исключения составляют лишь правовые общности, находящиеся в стадии становления, обособления (в состоянии перехода от комплексного внутриотраслевого института, подотрасли к самостоятельной отрасли права). Третьим признаком комплексного образования выступает сохранение отраслевой принадлежности заимствованных норм, которая внешне проявляется в сохранении юридического построения правовых норм, тождественности правовых конструкций, а внутренне – в идентичности регулятивного воздействия.

Ключевые слова: комплексный правовой институт, система права, институт права, отрасль права, межотраслевой институт, объединение правовых норм.

Введение

Сложность современных общественных отношений не позволяет осуществлять их правовое регулирование посредством единичных правовых предписаний, что предопределяет необходимость комплексного правового воздействия и выступает объективной причиной усложнения системы права. Иначе говоря, юридические нормы существуют и действуют по большей части не поодиночке, не каждая сама по себе, а в комплексах, ассоциациях, в составе целых правовых институтов и более обширных подразделений – отраслей права [1, с. 63]. Изменение и усложнение общественных отношений объективно требует и усложнения регулятивного воздействия на них, учета разнообразия ранее нерегламентированных вариантов их развития, множества жизненных ситуаций. В современной действительности ни одна отдельно взятая правовая норма не способна осуществить должное регулятивное воздействие на поведение субъектов и обеспечить общественно-полезное развитие той или иной жизненной ситуации, аккумулирующей множество связей и отношений. Всегда необходима «поддержка» других норм, так или иначе участвующих в регулировании данной ситуации и охраняющих ее от нежелательного развития [2, с. 63].

Методы

Дискуссия о комплексных образованиях в системе права началась с предположения В. К. Райхера о существовании в структуре советского права, наряду с основными, комплексных отраслей [3, с. 189–190]. Представляется, что сам автор, поднимая столь сложный вопрос, не предполагал, что он вызовет в научном сообществе столь длительные обсуждения и в конце концов станет предпосылкой исследования более масштабной проблемы комплексных правовых образований в структуре права и комплексности как признака права в целом.

Правильное понимание природы комплексных правовых образований в системе права имеет не только концептуальное теоретическое значение, позволяющее рассмотреть структуру

права с разных ракурсов, но и явно выраженный прикладной характер, проявляющийся как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Анализируя современную юридическую литературу, нельзя не отметить, что понятие «комплексный правовой институт» используется в чрезмерно упрощенном смысле. Происходит смешение комплексных компонентов системы права и системы законодательства. Так, например, О. Ю. Кокурина в разделе «Наградное право как комплексный институт законодательства» отмечает, что «идея о выделении особого массива правовых норм, регулирующих наградные отношения, в отдельную отрасль права должна быть поддержана, поскольку наградное право характеризуется признаком правовой комплексности, т.е. определенной унифицированностью понятий, категорий и однотипностью правового материала, разработанного в разных отраслях права: конституционного, административно-правового, трудового и других отраслей» [4, с. 4]. Далее же автор рассматривает «наградное право» как «комплексный правовой институт», «комплексный межотраслевой институт» [4, с. 5]. Очевидно, что подобная путаница не способствует выяснению сущностных свойств предмета исследования. Бесспорно, что система нормативно-правовых актов есть внешнее объективированное проявление (форма) системы права. Но это отнюдь не означает, что структурно система законодательства и система права полностью совпадают. Так, структурные особенности системы нормативно-правовых актов обосновываются не только объективными предпосылками, но и субъективными технико-юридическими решениями законодателя. Структура права при этом обуславливается объективными особенностями развития общественных отношений, требующих правового опосредования. В силу указанных отличий нормативно-правовой акт, включающий в себя нормы различных отраслей права и с данных позиций являющийся межотраслевым, не всегда с полной очевидностью свидетельствует о наличии комплексного образования (института) в структуре права. Так, например, Налоговый кодекс РФ является межотраслевым нормативно-правовым актом, так как включает в себя помимо норм налогового права также и нормы арбитражного процессуального права, а именно правила определения подведомственности налоговых споров арбитражным судам (п. 2 ст. 104, п. 4 ст. 105.24, п. 2 ст. 138). Вместе с тем указанное не свидетельствует о наличии комплексного института подведомственности налоговых споров арбитражным судам в системе налогового права.

Следующей проблемой в концепции комплексных правовых образований является сугубо институционально-организационный подход к выявлению комплексных образований, получивший свое широкое распространение в современной

юридической литературе, особенно отраслевой. Печально, что дискуссия о природе комплексных образований в структуре права, длящаяся несколько десятилетий и породившая многочисленные положения, идеи, гипотезы и выводы, которые без преувеличения озаменовали «прорыв» в развитии отечественного правоведения и в большинстве своем легли в основу современного правопонимания, привела к достаточно скудному результату в виде институционально-организационного понимания комплексных правовых образований. Такое положение дел есть явный признак нарушения преемственности в юридической науке, когда накопленные знания не только не получают своего дальнейшего развития, преобразования на основе анализа современных условий жизнедеятельности общества, но и в значительной степени деформируются, упрощаются, как правило, за счет своего «обрывочного» использования.

Анализ современной юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что под комплексными правовыми образованиями принято понимать совокупность норм права различной отраслевой принадлежности, регулирующих определенный вид общественных отношений. Так, например, А. П. Анисимов и А. Я. Рыженков отмечают, что «наличие тесных связей между нормами и институтами земельного и гражданского права позволяет сделать вывод о том, что к началу XXI века в системе права России сформировалась новая комплексная отрасль права (ее можно именовать как угодно: «имущественное право», «право недвижимости» и т.д.), которая включает в себя нормы различной отраслевой принадлежности (главным образом земельного и гражданского права), сохраняющие «двойную прописку» – в рамках этой новой комплексной отрасли и в своих «основных» отраслях» [5, с. 103]. С. С. Зенин, характеризуя особенности конституционно-правового института публичных слушаний, указывает: «Учитывая тот факт, что положения о публичных слушаниях находят свое отражение в различных отраслях российского права, можно предположить, что данный институт носит комплексный характер» [6, с. 27]. К. Л. Бердникова также отмечает, что «гражданство является комплексным правовым институтом, отношения в котором регулируются нормами различных отраслей права» [7, с. 30]. Вместе с тем признак правового регулирования определенного вида общественных отношений нормами различной отраслевой принадлежности отражает, на наш взгляд, межотраслевой характер такого образования, но не определяет природу его комплексности.

Считаем, что подход, согласно которому если определенная сфера общественных отношений регулируется нормами различных отраслей права, то такая совокупность норм права выступает в качестве комплексного образования, нельзя признать

правильным. Данный подход содержит в себе явные недостатки, так как, во-первых, не устанавливает критериев выбора сферы общественной жизни. То есть неясно, является ли выбранная сфера реальной и соответствует современной практике развития правоотношений, либо надуманной, имеющей свое реальное бытие только в сфере идеального сознания автора. Во-вторых, регулирование отдельной сферы общественных отношений нормами различной отраслевой принадлежности еще не свидетельствует о наличии в структуре права комплексного образования. На наш взгляд, здесь не учитывается соотношение общего и особенного в регулировании общественных отношений. Получается, что механическое воспроизведение норм одной отрасли права в другой отрасли привело бы к возникновению комплексного образования. С данных позиций следовало бы признать, что самостоятельные отрасли права, «отпочковавшиеся» в свое время от иных отраслей, в большинстве своем состоят из комплексных институтов. Так, например, земельное, экологическое право состоят из комплексных институтов, поскольку содержат в себе нормы гражданского, административного и иных отраслей права. Кроме того, если взять за основу межотраслевые правоотношения, то совершенно понятно, что они будут регулироваться нормами различных отраслей. В-третьих, данный подход порождает многочисленные ошибки при определении отраслевой принадлежности правовых норм, ибо ориентирует исследователя на определение отраслевой принадлежности нормы права по источнику – нормативно-правовому акту, в котором она содержится.

Бесспорно, что институционально-организационный критерий позволяет выявить потенциальное наличие комплексных образований в структуре действующего права. С него, может быть, и следует начинать подобные поиски. Но данный критерий может привести к положительному результату только лишь во взаимосвязи с выявлением иных признаков комплексных образований. В. М. Сырых в связи с этим отмечает, что «характерным внешним признаком комплексного института выступает факт закрепления в законах и иных источниках права «дочерней» отрасли норм «материнской» отрасли. Однако этот признак действует лишь в совокупности с другими признаками комплексного института и сам по себе далеко не всегда влечет образование комплексного института» [8, с. 23]. Исследуя природу комплексных образований в структуре права, В. М. Сырых указывает, что комплексные институты, в отличие от унитарных институтов, характеризуются тем, что: «1) нормы одной отрасли права применяются в другой отрасли; 2) нормы закрепляются, как правило, в источниках отрасли, которая их заимствует; 3) нормы проходят существенную переработку, модификацию применительно к

специфике предмета и/или метода заимствующей их отрасли; 4) нормы применяются только в пределах одной, заимствующей их отрасли права» [8, с. 22]. Считаем, что данные признаки с некоторой корректировкой следует взять за основу определения наличия комплексного образования в структуре права.

Результаты

Первым выступает организационный признак, позволяющий выявить потенциальное комплексное образование. Суть организационного признака состоит в том, что нормы одной отрасли права закрепляются в нормативно-правовом акте, являющемся источником другой отрасли права. Однако на основе данного признака можно сделать несколько взаимоисключающих выводов: 1) нормативно-правовой акт содержит нормы различных отраслей права и поэтому выступает одновременно источником данных отраслей права, то есть данному акту присущ межотраслевой характер, который ничего общего с комплексностью той совокупности правовых норм, которая в нем устанавливается, не имеет; 2) нормативно-правовой акт является источником одной отрасли права, но содержит заимствованную правовую норму иной отраслевой принадлежности и свидетельствует о наличии в структуре соответствующей отрасли комплексного института. При этом сам нормативно-правовой акт не является источником отрасли права, норма которой заимствована. В этом случае имеется определенное рода противоречие между межотраслевым характером нормативно-правового акта и признаком комплексности совокупности правовых норм; 3) нормативно-правовой акт свидетельствует о наличии развивающегося межотраслевого комплексного образования в структуре права, которое представляет собой переходный этап становления самостоятельной отрасли права.

Вторым признаком комплексного образования выступает предмет правового регулирования (предметный признак), который, как правило, совпадает с предметом правового регулирования конкретной отрасли права, заимствующей правовую норму из иной отрасли права. Получается, что заимствованная норма права регулирует общественные отношения, которые выступают предметом регулирования другой отрасли права. При помощи указанного признака можно провести различия между комплексностью и межотраслевым характером правового образования. Так, с формальной стороны комплексное правовое образование всегда является межотраслевым, поскольку включает в себя нормы права различной отраслевой принадлежности. Однако с точки зрения предмета правового регулирования межотраслевой характер не является обязательным признаком комплексного правового образования. С данных позиций признак комплексности не является тождественным межотраслевому

характеру компонента системы права. Так как объективным критерием формирования отраслей права выступает развитие определенной сферы общественных отношений, требующих специфического правового регулирования, то и при определении межотраслевого характера правовых образований необходимо определить, прежде всего, не регулирование сферы отношений нормами различной отраслевой принадлежности, а развитие и разрастание определенной группы пограничных общественных отношений, требующих особенного регулятивного воздействия. С. В. Поленина, определяя комплексные правовые образования как межотраслевые институты, говорит, прежде всего, о комплексных межотраслевых «пограничных» институтах, которые выступают в качестве переходного этапа становления самостоятельной отрасли права, хотя и допускает иные направления их трансформации без образования новой отрасли [9, с. 75–77]. Таким образом, комплексные образования, исходя из предметного критерия, могут быть межотраслевыми только в том случае, если речь идет о регулировании развивающейся сферы общественных отношений, требующих специального режима правового воздействия, претендующих на такое распространение и имеющих настолько существенное значение, что могут составить предмет самостоятельной отрасли права. Иначе говоря, речь идет о межотраслевых отношениях, которые не полностью «укладываются» в предмет какой-либо одной отрасли права, находятся на стыке правового регулирования различных отраслей. На самом деле подобные межотраслевые правовые общности не охватывают всего многообразия и не составляют большинства комплексных правовых образований. Основную массу последних составляют внутриотраслевые (с точки зрения предмета правового регулирования) правовые институты, включающие заимствованные нормы иных отраслей права, но не регулирующие общественные отношения, составляющие предмет данных отраслей. К подобного рода институтам можно отнести, например, институт аренды земельных участков, являющийся институтом земельного права, но содержащий заимствованные нормы гражданского права; институт материальной ответственности сторон трудового договора, который также содержит нормы гражданского права; институт гражданского иска в уголовно-процессуальном праве, который включает в себя заимствованные нормы гражданско-процессуального права, и т.д. Несмотря на наличие заимствованных норм права, такие комплексные образования по предметному критерию нельзя отнести к межотраслевым институтам в силу того, что заимствованные нормы, не меняя в целом отраслевого режима (метода) правового регулирования, подчиняются специфике предмета регулирования заимствующей отрасли и поэтому органически входят в

нее. Вместе с тем, если мы опустим предметный критерий, то пропадет и признак комплексности (за исключением комплексных межотраслевых образований, о которых говорилось выше). Не образуют самостоятельного комплексного института случаи наличия во внутриотраслевом правовом институте отсылочных или бланкетных норм права. Так, например, не является комплексным институтом уголовная или гражданско-правовая (материальная) ответственность за нарушение правил дорожного движения, так как сами Правила дорожного движения остаются в сфере ведения административного права, а, например, уголовная ответственность за их нарушение есть предмет регулирования уголовного права.

Третьим признаком комплексного образования выступает сохранение отраслевой принадлежности заимствованных норм, которая внешне проявляется в сохранении юридического построения, тождественности правовых конструкций, а внутренне – в идентичности регулятивного воздействия (регулятивный признак). Комплексное образование имеет определенный предмет правового регулирования, но воздействует на него посредством заимствованных элементов правовых режимов (методов) других отраслей без их полного синтезирования и получения качественно новой формы правового воздействия. Именно поэтому нормы комплексной правовой общности при регулировании предмета сохраняют свою отраслевую принадлежность, которая определяется исходя из средств и приемов регулятивного воздействия. В этой связи о модификации заимствованных норм применительно к специфике метода заимствующей их отрасли, на которую указывает В. М. Сырых, можно говорить с определенной долей условности, так как при подобной модификации заимствованная норма не должна потерять своей отраслевой принадлежности. Обнаружить же заимствованную норму права, претерпевшую модификацию своих регулятивных способностей, в том числе за счет иного построения, в «дочерней» отрасли права представляется весьма проблематичным.

В юридической литературе широко обсуждается вопрос о существовании комплексных отраслей и комплексных институтов. Одни ученые придерживаются мнения о существовании в структуре права как комплексных институтов, так и комплексных отраслей, другие – отвергают идею существования комплексных отраслей. Подчеркнем, что речь здесь идет о межотраслевых комплексных правовых образованиях, а не внутриотраслевых комплексных институтах, существование которых очевидно. Действительно, данные правовые общности не обладают всеми признаками отрасли права. В частности, у них отсутствует самостоятельный специфический отраслевой режим регулятивного воздействия (метод, принципы, механизм правового регулиро-

вания). Однако по своему строению комплексные межотраслевые общности могут быть значительно сложнее институтов права в традиционном их понимании. Вряд ли можно назвать правовым институтом банковское право или право социального обеспечения. Таким образом, данные межотраслевые структурные общности правовых норм не обладают признаками ни отраслей права, ни правовых институтов. Приобретая межотраслевой характер, правовой институт тем самым теряет свою собственную специфику правового регулирования, которая первоначально определялась его отраслевой принадлежностью, а теперь состоит из неорганичных «кусочков» методов правового регулирования разных отраслей. Поэтому признание подобных комплексных межотраслевых образований в качестве правовых институтов возможно лишь в той степени, в которой возможно признание правовых институтов в качестве самостоятельных компонентов системы права без включения в состав какой-либо отрасли. Вместе с тем данный институт по своему содержанию выступает больше уже как подотрасль, которой стать самостоятельной отраслью мешает отсутствие органического режима правового регулирования. В действительности же он представляет собой «вырванную» из процесса развития правовую общность, «перешагнувшую» начальные отраслевые рамки и стремящуюся стать самостоятельной структурной единицей – отраслью права.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
2. *Петров Д. Е.* Отрасль права / под ред. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 192 с.
3. *Райхер В. К.* Общественно-исторические типы страхования. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 282 с.
4. *Кокурина О. Ю.* Формирование наградного права как комплексного правового института Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 3–9.
5. *Анисимов А. П., Рыженков А. Я.* Земельная функция современного государства. М. : Новый индекс, 2012. 192 с.
6. *Зенин С. С.* Характерные особенности конституционно-правового института публичных слушаний // Юридический мир. 2012. № 8. С. 27–31.
7. *Бердникова К. Л.* Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Современное право. 2012. № 2. С. 26–30.
8. *Сырых В. М.* Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22–27.
9. *Поленина С. В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.

Complex Institutions in the Law System of the Russian Federation

E. G. Potapenko

Candidate of Science, Docent, Department of Civil Law and Procedure,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012 Russia
E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Introduction. Law system has a complicated formation caused by several external and internal reasons. In actual conditions of intensive development and transformation of the public relations the law can not remain static. Its structure changes permanently. These changes not always are visible, caused first of all by new structure elements. More often such changes happen on the functional level of elements' interaction.

Methods. Methodological basis of the research is an internal interconnected complex of knowledge methods: system-structured, functional, logical. The basic method is materialistic dialectics, which allowed the author to investigate complex formations in connection and interdependence with other components of the law system and with the subject of their legal regulation. **Results.** The author emphasizes 3 principal features of complex structure community. Organizational feature is connected with external display of the complexity of the structure element of the law system. This feature allows to reveal a potential complex law formation, but is not an obligatory one. The idea of the organization feature consists in the following: the norms of one law branch are fixed in a legal act being a source of another law branch. The second feature of a complex formation is its subject of legal regulation, which as a rule matches with the subject of legal regulation of a particular law branch, adopting a legal norm from another law branch. An exclusion is the law communities being in process of formation, isolation (in transformation from complex internal branch institution to a separate law branch). The third feature of the complex formation is a reservation of branch attribution of adopted norms, which displays as in reservation of juridical construction of legal norm, identity of legal construction, and internally – in identity of regulative action.

Key words: complex law institution, law system, law institution, law branch, inter-branch institution, unification of law principals.

References

1. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teorija – filosofija: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: the ABC – theory – philosophy: Experience of complex research]. Moscow, Statut Publ., 1999, 712 p.
2. Petrov D. E. *Otrasl' prava / pod red. M. I. Bajtina* [Law branch]. Saratov, Saratov State Academy Law Publ., 2004. 192 p.
3. Rajher V. K. *Obshhestvenno-istoricheskie tipy strahovaniya* [Social-historical types of insurance]. Moscow; Leningrad, Academy Science USSR Publ., 1947. 282 p.
4. Kokurina O. Ju. *Formirovanie nagradnogo prava kak kompleksnogo pravovogo instituta Rossijskoj Federacii* [Formation of premium law as a complex law institution of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Government and local self-government], 2012, no. 7, pp. 3–9.
5. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ja. *Zemel'naja funkcija sovremennogo gosudarstva* [Land function of the modern state]. Moscow, Novyj indeks Publ., 2012, 192 p.
6. Zenin S. S. *Harakternye osobennosti konstitucionno-pravovogo instituta publicnyh slushanij* [Specific features of constitutional-legal institution of public hearings]. *Juridicheskij mir* [Legal world], 2012, no. 8, pp. 27–31.
7. Berdnikova K. L. *Grazhdanstvo v sisteme prav i svobod cheloveka i institutov publichnoj vlasti* [Citizenship in the system of a man's rights and freedoms and public authorities' institutions]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2012, no. 2, pp. 26–30.
8. Syryh V. M. *Kompleksnye instituty kak komponenty sistemy rossijskogo prava* [Complex institutions as components of Russian law system]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law], 2002, no. 10, pp. 22–27.
9. Polenina S. V. *Kompleksnye pravovye instituty i stanovlenie novyh otraslej prava* [Complex law institutions and formation of new law branches]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1975, no. 3, pp. 71–79.

УДК 347; 347.918

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

А. В. Кружалова

аспирант кафедры арбитражного процесса,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: a.kruzhalova@mail.ru

Введение. Лица, участвующие в деле, имеют право участвовать в судебном заседании с помощью систем видеоконференц-связи (ВКС) в арбитражном судопроизводстве России с октября 2010 г. В статье исследуется ряд проблем реализации такого права. **Теоретический анализ.** Автор статьи анализирует институты «судебного поручения» и «проведения судебного заседания с помощью систем ВКС» относительно их взаимосвязи,

предлагается новая редакция ст. 153.1 АПК РФ. Рассматриваются спорные моменты перерыва и отложения судебного заседания, которое проводится удаленно. Дается ряд практических рекомендаций по содержанию ходатайства о проведении ВКС, в том числе исследуется вопрос о субъектах, которые имеют право на его подачу. Предлагается новая редакция абз. 2 ч. 2 ст. 64 АПК РФ относительно перечня допустимых доказательств

